

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2025-2026 УЧ. ГОД**

7-8 КЛАСС

Время выполнения работы - 135 минут

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ рассказа Андрея Платонова «Цветок на земле»

Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны. Вы можете обратить внимание на те аспекты произведения, которые не отражены в вопросах.

Максимальное количество баллов – 60.

Определите тематику и проблематику данного рассказа. Как темы связаны друг с другом?

1. Как представлены герои рассказа? С помощью каких художественных приемов раскрываются их характеры и отношение к жизни? Почему дедушка все время погружается в сон, только ли с возрастом это связано? Какова роль мотива сна в этом рассказе? Какие мотивы (сквозные микротемы) сопровождают Афона?
2. Проследите этапы развития сюжета в рассказе.
3. Какую роль играет пейзаж? Как через образы природы выражен философский смысл произведения?
4. Как вы объясните финал рассказа?
5. Почему в заглавие произведения автор вынес образ цветка на земле? Что он символизирует?

**АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ
ЦВЕТОК НА ЗЕМЛЕ**

Скучно Афоне жить на свете. Отец его на войне, мать с утра до вечера работает в колхозе, на молочной ферме, а дедушка Тит спит на печке. Он и днём спит, и ночью спит, а утром, когда просыпается и ест кашу с молоком, он тоже дремлет.

— Дедушка, ты не спи, ты уж выспался, — сказал нынче утром Афоня дедушке.

— Не буду, Афонюшка, я не буду, — ответил дед. — Я лежать буду и на тебя глядеть.

— А зачем ты глаза закрываешь и со мной ничего не говоришь? — спросил тогда Афоня.

— Нынче я не буду глаза смежать, — обещал дедушка Тит. — Нынче я на свет буду смотреть.

— А отчего ты спишь, а я нет?

— Мне годов много, Афонюшка... Мне без трёх девяносто будет, глаза уж сами жмурятся. А тебе ещё мало времени, тебе без трёх первый десяток идёт.

— А тебе ведь темно спать, — говорил Афоня. — На дворе солнце горит, там трава растёт, а ты спишь — ничего не видишь.

— Да я уж всё видел, Афонюшка.

— А отчего у тебя глаза белые и слёзы в них плачут?

— Они выцвели, Афонюшка, они от света выцвели и слабые стали, мне глядеть ведь долго пришлось.

Афоня осмотрел деда, какой он есть. В бороде у деда были хлебные крошки, и там жил ещё один комарик. Афоня встал на лавку, выбрал все крошки из бороды у деда, а комарика прогнал оттуда — пусть он живёт отдельно. Руки у дедушки лежали на столе; они были большие, кожа на них стала как кора на дереве, и под кожей видны были толстые чёрные жилы, эти руки много земли испахали.

Афоня поглядел в глаза деду. Глаза его были открыты, но смотрели равнодушно, не видя ничего, и в каждом глазу светилась большая капля слезы.

— Не спи, дедушка! — попросил Афоня.

Но дедушка уже спал. Мать посадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать. Афоня же остался один в избе, и опять ему скучно стало жить на свете. Он ходил вокруг деревянного стола, смотрел на мух, которые окружили на полу хлебную крошку, упавшую из бороды деда, и ели её; потом Афоня подходил к печке, слушал, как дышит там спящий дед, смотрел через окно на пустую улицу и снова ходил вокруг стола, не зная, что делать.

— Мамы нету, папы нету, дедушка спит, — говорил Афоня сам себе.

Потом он посмотрел на часы-ходики, как они идут. Часы шли долго и скучно: тик-так, тик-так, будто они баюкали деда, а сами тоже утомились и хотели уснуть.

— Проснись, дедушка, — просил Афоня. — Ты спишь?

— А? Нету, я не сплю, — отвечал дедушка Тит с печи.

— Ты думаешь? — спрашивал Афоня.

— А? Я тут, Афоня, я тут.

— Ты думаешь там?

— А? Нету, я всё обдумал, Афонюшка, я смолоду думал.

— Дедушка Тит, а ты всё знаешь?

— Всё, Афоня, я всё знаю...

— А что это, дедушка?

— А чего тебе, Афонюшка?

— А что это всё?

— А я уж позабыл, Афоня.

— Проснись, дедушка, скажи мне про всё!

— А? — произнёс дедушка Тит.

— Дедушка Тит! Дедушка Тит! — звал Афоня. — Ты вспомни! Но дед уже умолк, он опять уснул в покое на русской печи. Афоня тогда сам залез на печь к дедушке и начал будить его, чтобы он проснулся. А дед спал и только шептал тихо во сне неслышные слова. Афоня утомился его будить и сам уснул возле деда, прильнув к его доброй знакомой груди, пахнувшей тёплой землёю.

Очнувшись от сна, Афоня увидел, что дед глядит глазами и не спит.

— Вставай, дедушка! — сказал Афоня.

А дед опять закрыл глаза и уснул.

Афоня подумал, что дед тогда не спит, когда сам Афоня спит; и он захотел никогда не спать, чтобы подкараулить деда, когда он совсем проснётся.

И Афоня стал ожидать. Часы-ходики тикали, и колёсики их поскрипывали и напевали, баюкая деда.

Афоня тогда слез с печи и остановил маятник у часов. В избе стало тихо. Слышно стало, как отбивает косу косарь за рекой и тонко звенит мошка под потолком.

Дедушка Тит очнулся и спросил:

— Ты чего, Афоня? Что-то шумно так стало... Это ты шумел?

— А ты не спи! — сказал Афоня. — Ты скажи мне про всё! А то ты спишь и спишь, а потом умрёшь, мама говорит — тебе недолго осталось, кто мне тогда скажет про всё?

— Обожди, дай мне квасу испить, — произнёс дед и слез с печи.

— Ты опомнился? — спросил Афоня.

— Опомнился, — ответил дед. — Пойдём сейчас белый свет пытаться.

Старый Тит испил квасу, взял Афоню за руку, и они пошли из избы наружу.

Там солнце высоко стояло на небе и освещало зреющий хлеб на полях и цветы на дорожной меже.

Дед повёл Афоню полевою дорогой, и они вышли на пастбище, где рос сладкий клевер для коров, травы и цветы. Дед остановился у голубого цветка, терпеливо росшего корнем из мелкого чистого песка, показал на него Афоне, потом согнулся и осторожно потрогал тот цветок.

— Это я сам знаю! — протяжно сказал Афоня. — А мне нужно, что самое главное бывает, ты скажи мне про всё! А этот цвет растёт, он не всё!

Дедушка Тит задумался и осерчал на внука.

— Тут самое главное тебе и есть!.. Ты видишь — песок мёртвый лежит, он каменная крошка, и более нет ничего, а камень не живёт и не дышит, он мёртвый прах. Понял теперь?

— Нет, дедушка Тит, — сказал Афоня, — тут понятного нету.

— Ну, не понял, так чего ж тебе надо, раз ты непонятливый?.. А цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мёртвого праха. Стало быть, он мёртвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда всё берётся. Цветок этот — самый святой труженик, он из смерти работает жизнь...

— А трава и рожь тоже главное делают? — спросил Афоня.

— Одинаково, — сказал дедушка Тит.

— А мы с тобой?

— И мы с тобой. Мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем... А этот вот жёлтый цвет на лекарство идёт, его и в аптеке

берут. Ты бы нарвал их да съёл. Отец-то твой ведь на войне; вдруг поранят его или он от болезни ослабнет, вот его и полечат лекарством.

Афоня задумался среди трав и цветов. Он сам, как цветок, тоже захотел теперь делать из смерти жизнь; он думал о том, как рождаются из сыпучего скучного песка голубые, красные, жёлтые счастливые цветы, поднявшие к небу свои добрые лица и дышащие чистым духом в белый свет.

— Теперь я сам знаю про всё! — сказал Афоня. — Иди домой, дедушка, ты опять, должно, спать захотел: у тебя глаза белые... Ты спи, а когда умрёшь, ты не бойся, я узнаю у цветов, как они из праха живут, и ты опять будешь жить из своего праха. Ты, дедушка, не бойся!

Дед Тит ничего не сказал. Он невидимо улыбнулся своему доброму внуку и пошёл спать в избу на печку.

А маленький Афоня остался один в поле. Он собрал жёлтых цветов, сколько мог их удержать в охапке, и отнёс в аптеку на лекарства, чтобы отец его не болел на войне от ран. В аптеке Афоне дали за цветы железный гребешок. Он принёс его деду и подарил ему; пусть теперь дедушка чешет себе бороду тем гребешком.

— Спасибо тебе, Афонюшка, — сказал дед. — А цветы тебе ничего не сказывали, из чего они в мёртвом песке живут?

— Не сказывали, — ответил Афоня. — Ты вон сколько живёшь и то не знаешь. А говорил, что знаешь про всё. Ты не знаешь.

— Правда твоя, — согласился дед.

— Они молча живут, надо у них допытаться, — сказал Афоня. — Чего все цветы молчат, а сами знают?

Дед кротко улыбнулся, и погладил головку внука, и посмотрел на него, как на цветок, растущий на земле. А потом дедушка спрятал гребешок за пазуху и опять заснул.

194

ЗАДАНИЕ 2. Прочитайте представленные ниже стихотворения, объединенные общей темой живописи. Поразмышляйте над вопросом, в чем заключается специфика этого вида искусства? Опираясь на приведенные ниже стихи, напишите эссе (не менее 150 слов) о живописи как особом роде искусства, о том, как эта тема отражена в стихах поэтов. Какие художественные средства использует каждый поэт для выражения своей мысли? Как В.

Набоков изображает художника? Почему он «отвернулся от холста»? Как вы поняли образ «радужной капли», которая «вдруг спадает с вытянутой кисти»?

Как в стихотворении Б.Окуджавы выражено его понимание особенности труда живописца? В чем он заключается? Что поэт считает самым важным для художника? Приведите эти строки и прокомментируйте их.

Придумайте заглавие для своего эссе.

Максимальное количество баллов – 40.

**Владимир Владимирович Набоков
(1899-1977)**

Художник

Он отвернулся от холста
и в сад глядит, любясь свято
полетом алого листка
и тенью клена лиловатой;
любясь всем, как сын и друг,
без недоверья, без корысти,
и капля радужная вдруг
спадает с вытянутой кисти. 1923

Булат Шалвович Окуджава (1924-1997)

Как научиться рисовать

Если ты хочешь стать живописцем,
ты рисовать не спеши.
Разные кисти из шерсти барсучьей
перед собой разложи,
белую краску возьми, потому что
это — начало, потом
желтую краску возьми, потому что
все созревает, потом

серую краску возьми, чтобы осень
в небо плеснула свинец,
черную краску возьми, потому что
есть у начала конец,
краски лиловой возьми пощеднее,
смейся и плачь, а потом
синюю краску возьми, чтобы вечер
птицей слетел на ладонь,
красную краску возьми, чтобы пламя
затрепетало, потом
краски зеленой возьми, чтобы веток
в красный подбросить огонь.
Перемешай эти краски, как страсти,
в сердце своем, а потом
перемешай эти краски и сердце
с небом, с землей, а потом...
Главное — это сгорать и, сгорая,
не сокрушаться о том.
Может быть, кто и осудит сначала,
но не забудет потом!
1964

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025-2026 УЧ. ГОД

9 КЛАСС

Время выполнения работы - 270 минут

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 60) и творческое задание (максимальный балл – 40). Внутри общего времени ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Юрия Яковлева «Скрипка». Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны. Максимальное количество баллов - 60.

1. Какова основная тема рассказа? В каких еще произведениях она звучит? В чем особенность её трактовки в этом рассказе Ю.Яковлева?
2. В чем заключаются особенности повествования? Что вы можете сказать о повествователе?
3. Как построен рассказ, в чем особенности его сюжета и композиции?
4. Как раскрывается характер главного героя?
5. Почему в заглавие вынесен образ «скрипки»?
6. Как проявляет себя в рассказе тема (мотив) музыки?
7. Какую роль играет мотив дождя?
8. Объясните финал рассказа.

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ СКРИПКА

Вы когда-нибудь стояли под окнами музыкального училища на мокром асфальте, в котором отражается свет больших прямоугольных окон? Идет невидимый мелкий дождь.

Торопливо шагают люди. Возникают и сразу же растворяются в сырой тьме огни машин. А из освещенных праздничных окон музыкального училища доносятся приглушенные звуки разных инструментов, и дом похож на оркестр, который настраивается перед концертом.

Не спешите уходить. Не обращайтесь внимания на дождь. Сейчас что-то случится. Может быть, распахнутся окна, и вы увидите множество ребят с трубами, флейтами, барабанами. Или раскроются двери, и на дождь выйдет большой оркестр. Он пойдет через город, и сразу станет безразлично, что льет дождь и что под ногами лужи.

А вы прибавьте шагу, чтобы не отстать от поющих труб и скрипок.

Мальчик шел из булочной, а хлеб спрятал от дождя под пальто.

Хлеб был теплый, он приятно грел. словно за пазухой был не обычный черный кирпичик, а живое существо.

На улице было скверно. Люди мечтали поскорее добраться до крыши, очутиться на сухом месте. А он разгуливал под окнами музыкального училища. И хлеб грел его.

У каждого окна свой голос, своя жизнь. Мальчик услышал звук, похожий на одышку. Кто-то играл на большой басовой трубе.

В соседнем окне звучала неторопливая гамма: маленькая робкая рука как бы взбиралась по лесенке. Рядом ревел баян. Он растягивал ноты, словно они были на пружинах, а потом резко отпускал их.

Мальчик прошел мимо трубы, мимо рояля. Не заинтересовал его и баян. Он искал скрипку. И нашел ее. Она звучала в окне второго этажа. Он прислушался. Скрипка плакала и смеялась, она летала по небу и устало брела по земле. Все окна как бы умолкли и погасли.

Светилось только одно. Мальчик стоял под ним, а дождь тек за воротник.

Неожиданно кто-то положил ему руку на плечо. Он вздрогнул и обернулся. На тротуаре стояла круглолицая девочка с двумя короткими толстыми косичками. В руке девочка держала огромный виолончельный футляр. Он был мокрый и блестел.

— Опять ждешь? — спокойно спросила девочка.

Ее голос заглушил скрипку. Мальчик недовольно поморщился и пробурчал:

— Никого я не жду.

— Неправда, — не отступала девочка, — чего ради стоять на дожде, если никого не ждешь.

— Я ходил за хлебом, — ответил мальчик, — вот видишь... хлеб.

Девочка не обратила внимания на хлеб. Она сказала:

— Ты ждешь Диану.

— Нет!

В его голосе прозвучало отчаяние. Но круглолицая стояла на своем.

— Ты всегда ждешь Диану.

Большой черный футляр от виолончели показался ему уродливым чемоданом. Ему захотелось вырвать его из рук круглолицей и бросить в лужу. Но девочка вовремя замолчала. Он не знал, что делать, и трогал рукой теплый хлеб.

— Пойдем, — сказала девочка. — Что мокнуть.

Ему ничего не оставалось, как пойти рядом с ней. Ярко освещенный дом музыкального училища растворился в дожде. Через несколько шагов девочка протянула ему виолончель:

— Понеси. А то тяжело.

Он взял в руку этот большой нескладный предмет с чемоданной ручкой и почувствовал себя удивительно неловко. Казалось, весь город знает, что ему хочется нести скрипку, а он несет виолончель.

С непривычки нести виолончель было не так-то просто: она била по ногам, задевала за водосточные трубы. И его спутница вскрикивала:

— Ой, осторожно! Инструмент стоит кучу денег!

Потом она сказала:

— Я часто вижу тебя около музыкального училища.

— Я хожу за хлебом, — ответил мальчик.

— Ну да, — согласилась девочка.

Она уже не вспоминала о Диане.

— Знаешь что, — предложила она, — пойдем ко мне. Я сыграю тебе ноктюрн. Мы будем пить чай.

Он ничего не ответил. Он вдруг подумал, как было бы хорошо, если бы вместо этой круглолицей рядом была Диана. И если бы она сказала: «Я сыграю тебе ноктюрн. Мы будем пить чай».

Он бы нес ее скрипку, как пушинку, даже если бы она весила побольше, чем виолончель. Он бы с радостью слушал скучный ноктюрн и пил бы чай. А с этой круглолицей ему ничего не хотелось.

Как странно, что с одними людьми всего хочется, а с другими ничего не надо.

— Так пойдем ко мне? — робко повторила девочка.

— Все равно, — сказал он.

— Вот и хорошо!

Она улыбнулась, и лицо ее стало еще круглее.

Дождь не проходил. Он обволакивал фонари, здания, силуэты деревьев. Все предметы теряли форму, расплывались. Город обмяк от дождя.

А почему он должен стоять под окнами музыкального училища и ждать Диану? Она пробегает мимо легко и свободно, словно никто не стоит под окнами и не ждет ее. Ей все равно, стоит он или не стоит. Есть он или его нет. Она стучит каблучками по камням.

А эта круглолицая сама заговаривает, и не убегает, и зовет его слушать ноктюрн и пить чай. Доверяет ему виолончель, которая стоит кучу денег.

Он вдруг подобрел. Ему захотелось сказать своей спутнице что-то приятное. Нельзя же все время дуться.

— Хочешь хлеба... теплого? — спросил он.

Она кивнула головой.

Он полез за пазуху и отломил кусок хлеба. Хлеб остыл, но был мягким.

— Как вкусно! — сказала она.

Он был доволен, что ей понравился хлеб.

— Ты любишь музыку? — спросила девочка.

Он покачал головой.

— Это твой большой недостаток, — подчеркнула она, — но ничего.

Я научу тебя любить музыку. Идет?

— Идет!

Все складывалось очень хорошо. Круглолицая уже не казалась ему такой круглолицей и вообще была славная девчонка. Не задавай, а такой как надо. Она вводила его от нудного дождя, от недоступной скрипки, от холодной Дианы. Больше он не будет искать окно со

скрипкой, а будет прислушиваться к голосу виолончели. Надо только получше запомнить, какой у нее голос.

— Ты хороший парень... — как бы невзначай сказала его спутница.

И он тут же согласился с ней.

Он согласился с ней и вдруг как бы запнулся. Ему показалось, что это не он шагает по дождю с большой тяжелой виолончелью, а кто-то другой. И этот другой не имеет никакого отношения к неприступному зданию музыкального училища, к его таинственной жизни, к ярким окнам, у которых свои разные голоса. Все пропало. И его самого уже нет...

В следующее мгновение он остановился. Он поставил большой черный футляр на мокрый асфальт и прислонил его к стене дома.

Футляр стал похож на черную ящерицу с длинной шеей и маленькой головкой.

Потом он крикнул:

— Пока!

И побежал.

— Куда ты?.. А как же ноктюрн? — крикнула ему вслед круглолицая девочка.

Но он не оглянулся и ничего не ответил. Он бежал обратно к музыкальному училищу, к скрипке, к самому себе.

ЗАДАНИЕ 2. Представьте, что вам поручено написать для популярного журнала небольшую статью (не менее 150- 200 слов) в жанре эссе о том, какую роль играет живопись в жизни человека и как литература отвечает на этот вопрос. Учитывайте специфику этого изобразительного вида искусства и специфику литературы.

Придумайте заглавие (можно цитатное). Аргументируйте свои мысли, опираясь на предложенные стихотворения. Покажите, как в каждом из них раскрываются возможности живописи, какие художественные приемы помогают поэтам показать это.

Можете привлечь и другие известные вам художественные произведения о живописи и живописцах.

Поделитесь своими впечатлениями о какой-либо картине, которая произвела на вас сильное впечатление, не забудьте указать фамилию художника, и объясните, почему она вам так понравилась. (Максимальное количество баллов - 40.)

**Аполлон Николаевич Майков
(1821-1897)**

Мадонна

Стою пред образом Мадонны:

Его писал Монах святой,

Старинный мастер, не ученый;

Видна в нем робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубит*

Величье девы: так она

Вам сострадает, так вас любит,

Такою благостью полна,

Что веришь, как гласит преданье,

Перед художником святым

Сама пречистая в сиянье

Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,

Постом суровым изнурен,

Не раз на помосте церковном

Был поднят иноками он, —

И, призван к жизни их мольбами,

Еще глаза открыть боясь,

Он братью*** раздвигал руками

И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиление

Он кистью то изображал,

Что от небесного виденья

В воспоминаньи сохранял, —

И слезы тихие катились

Вдоль бледных щек... И, страх тая,

Монахи вокруг него молились

И плакали — как плачу я...

1859

*Сугубить — устаревший глагол, означающий **умножать, усиливать, усугублять**.

**Пречистая — церковное — непорочная, ничем не осквернённая, чаще используется в отношении Богородицы.

*** Братья — здесь члены религиозного братства

Яков Петрович Полонский
(1819-1898)
К портрету

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви, и мысли — тень печали,
Но красоту ее Боровиковский спас*.
Так часть души ее от нас не улетела,
И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.
1885

*Речь идет о картине В. Л. Боровиковского «Портрет Марии Ивановны Лопухиной» (1797).

Анатолий Жигулин
(1930-2000)
Художник

Только голые камни,
Поросшие мохом.
Только клочья тумана
На стланике мокрым.
Только грязные сопки
За хмарью суровой.
Только низкое серое

Зданье столовой.
А в столовой,
Над грудками мисок порожних,
Колдовал у картины
Голодный художник.
На картине желтели
Луга и покосы.
Над рекой у затона
Стояли березы.
Баламутя кнутами
Зеленую тину,
Пастухи к водопоям
Сгоняли скотину...
Я смотрел на картину...
Ресницы смежались.
И деревья, и люди
Ко мне приближались.
И березы худыми
Руками качали,
И коровы мычали,
И люди кричали.
Заскрипели уключины
Над перевозом,
И запахло травой,
Землею, навозом.
1963

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО
ЛИТЕРАТУРЕ
2025-2026 УЧ. ГОД

10 КЛАСС

Время выполнения работы - 270 минут

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 60) и творческое задание (максимальный балл – 40). Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Василия Гроссмана «Дорога»

Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальное количество баллов - 60.

Опорные вопросы:

1. В чем заключаются особенности повествования в рассказе В. Гроссмана? Чья точка зрения определяет здесь взгляд на мир?
2. Как представлен главный герой рассказа? Какие художественные средства, приемы использует автор, чтобы передать своеобразие его восприятия?
3. Почему в заглавие вынесен образ дороги? Какие смыслы он в себе несет?
4. Какую роль в рассказе играет время действия? Как создается образ войны?
5. Как организовано художественное пространство в рассказе? Какую роль играет мотив дороги?
6. Какова роль пейзажа?
7. Как авторская позиция выражается через логику сюжета и композиции?

Василий Гроссман
Дорога

Война коснулась всех живших на Апеннинском полуострове. Молодой мул Джу, служивший в обозе артиллерийского полка, сразу же, 22 июня 1941 года, ощутил много изменений....

Люди удивились бы, узнав, как много было отмечено мулом в день начала войны на востоке, — и непрерывное радио, и музыка, и распахнутые ворота конюшни, и толпы женщин с детьми возле казармы, и флаги над казармой, и запах вина от тех, от кого раньше не пахло вином, и дрожащие руки ездового Николло, когда он выводил Джу из стойла и надевал на него шлею.

Ездовой не любил Джу, он впрягал его в левую упряжку, чтобы сподручней было подхлестывать мула правой рукой. И подхлестывал он Джу по животу, а не по толстошкурому заду, и рука у Николло была тяжелая, коричневая, с искривленными ногтями — рука крестьянина.

К напарнику своему Джу был равнодушен. Это было большое, сильное животное, старательное, угрюмое; шерсть на груди и на боках была у него вытерта шлеей и постромками, голые серые плешины поблескивали жирным графитовым блеском.

Глаза у напарника были подернуты голубоватым дымом, морда с желтыми стертыми зубами сохраняла равнодушное, сонное выражение и при подъеме в гору по размягченному от зноя асфальту, и при дневке в тени деревьев. Вот он стоит на перевале в горной долине, перед ним расстилаются сады и виноградники, перевитые серой лентой преодоленного асфальта, поблескивает вдали море, в воздухе запах цветов, морского йода, горной прохлады и, одновременно, горячей и сухой дорожной пыли... Глаза напарника равнодушны, ноздри не шевелятся, с немного оттопыренной нижней губы свисают длинные прозрачные слюни; изредка чуть-чуть шевельнется ухо напарника — он слышал шаги ездового Николло. А когда на учебных стрельбах били пушки, старик мул словно бы спал, не шевелил длинными ушами.

Джу как-то пробовал игриво толкнуть старика, но тот спокойно, без злобы лягнул молодого мула и отвернулся; иногда Джу переставал натягивать постромки, косил глаза на старика, тот не скалился, не прижимал ушей, а тянул вовсю, сопел и быстро-быстро кивал головой.

Они перестали замечать друг друга, хотя изо дня в день тянули телегу, груженную снарядами ящиками, пили из одного ведерка, и по ночам Джу слышал, как тяжело дышал в соседнем стойле старик.

Ездовой, его цели, власть, его кнут, сапог, хриплый голос не вызывали в Джу рабского преклонения.

Справа шагал напарник, за спиной дребезжала телега и покрикивал ездовой, перед глазами лежала дорога. Иногда казалось, ездовой — часть телеги, иногда казалось, ездовой — основа, а телега при нем. Кнут? Что ж, и мухи в кровь разъедали кончики ушей, но мухи были лишь мухами. Так и кнут. Так и ездовой. Когда Джу начал ходить в упряжке, он тайно злобствовал на бессмысленность длинного асфальта, — его нельзя было жевать, пить, а по обе стороны от асфальта росла листовенная и травяная пища, вода стояла в озерах и лужах.

Главным врагом казался асфальт, но прошло немного времени, и Джу стали более неприятны тяжесть телеги и вожжи, голос ездового.

Тогда Джу даже помирился с дорогой, мерещилось, что она освобождает его от телеги и ездового. Дорога шла в гору, дорога вилась среди апельсиновых деревьев, а телега монотонно и неотступно погромыхивала за спиной, кожаная шлея давила на грудные кости.

Нелепый труд, навязанный извне, вызывал желание лягаться телегу, рвать зубами постромки, и от дороги Джу теперь ничего не ждал и не хотел по ней ступить. В его большой, пустынной голове все время возникали образы запаха и вкуса пищи, туманные видения, волновавшие его: то запах кобылок, сочная сладость листвы, тепло солнца после холодной ночи, то прохлады после сицилийского зноя...

Утром он протискивал голову в шлею, налаженную ездовым, и грудь его привычно ощущала прохладу мертвой глянцевиной кожи. Он теперь делал это так же, как старик напарник, не откидывая голову, не скалясь, — шлея, телега, дорога стали частью его жизни.

Все стало привычным, а значит, законным, связалось, превратилось в естественность жизни: труд, асфальт, водопой, запах колесной мази, грохот длиннохоботных, вонючих пушек, пахнущие табаком и кожей пальцы ездового, вечернее ведерко кукурузных зерен, охапка колючего сена...

Случалось, однообразие нарушалось. Он испытал ужас, когда его, опутанного веревками, кран перенес с берега на пароход, его

затошнило, деревянная земля уходила из-под копыт, и не хотелось есть. Потом был зной, превосходящий итальянский, ему на голову надели соломенную шапочку, была упорная крутизна абиссинских красных каменистых дорог, пальмы, до чьей листвы нельзя дотянуться губами. Его очень удивила однажды обезьяна на дереве и очень испугала большая змея на дороге. Дома были съедобны, он ел иногда тростниковые стены и травяные крыши. Пушки стреляли часто, и часто горел огонь. Когда обоз останавливался на темной опушке леса, он по ночам слышал недобрые звуки, шорохи, некоторые звуки вызывали ужас, и Джу дрожал, всхрипывал.

Потом его снова тошнило, и дощатая земля уходила из-под копыт, а кругом была голубоватая равнина, и совершенно непонятно, хотя сам он мало двигался, внезапно возникла конюшня, где рядом в стойле ночами тяжело дышал напарник.

А вскоре после дня, отмеченного музыкой и дрожащими руками ездового, вновь не стало конюшни, возникла дощатая земля, стук, стук, стук, толчки и скрежет, а затем тьма и теснота скрежещущего стойла сменились простором равнины, не имевшей конца.

Над равниной стояла мягкая, серая, не итальянская и не африканская пыль, а по дороге беспрерывно двигались в сторону восхода грузовики, тракторы, пушки с длинными и короткими хоботами, шли колонны пеших ездовых.

Жизнь стала особо трудной, вся превратилась в движение, телега была всегда нагружена, напарник дышал тяжело, его дыхание слышалось, несмотря на шум, стоящий на серой, пыльной дороге.

Начался падеж животных, побежденных огромностью пространства. Тела мулов оттаскивали в сторону от дороги, они лежали со вздувшимися животами, с растопыренными отшагавшими ногами, люди были к ним безмерно равнодушны, а мулы, казалось, тоже не замечали своих мертвых — мотали головами, тянули да тянули, но это только казалось — мулы видели своих мертвецов.

На этой равнинной земле замечательно вкусной оказалась пища. Впервые Джу ел такую нежную, сочную траву. Впервые в жизни он ел такое нежное и душистое сено. И вода в этой равнинной стране была вкусной и сладкой, а сочные веники из молодых веток деревьев почти не горчили.

Теплый ветер в равнине не жег, как африканские и сицилийские ветры, и солнце грело кожу мягко, нежно — не походило на беспощадное солнце Африки.

И даже серая, мелкая пыль, день и ночь висевшая в воздухе, казалась шелковистой, нежной по сравнению с колючей, красной пылью пустыни.

Но сам простор этой равнины был непоколебимо жестоким, ему не было конца, — сколько мулы ни двигались рысцей, мотая ушками, а равнина была сильнее их. Мулы шли скорым шагом при свете солнца и при свете луны, а равнина все длилась. Мулы бежали, стучали копытами по асфальту, пылили по проселку, а равнина длилась и длилась. Ей не было исхода ни при солнце, ни при луне и звездах. Из нее не рождались горы, море.

Джу не заметил, как настало время дождей, оно пришло постепенно. Полили холодные дожди, и жизнь из однообразной усталости превратилась в режущее страдание, в изнеможение.

Все, из чего состояла жизнь мула, утяжелилось: земля стала липучей, разговаривала, чавкала, дорога стала очень вязкой и от этого удлинилась, и каждый шаг по ней стал как много шагов, а телега сделалась невыносимо ленивой, упрямой, — казалось, Джу с напарником тащили за собой не одну телегу, а много телег. Ездовой теперь кричал беспрерывно, бил кнутом больно и часто, — казалось, не один ездовой сидел на телеге, а много. И кнутов стало много, и все они были языкатые, злые, одновременно холодные и жгучие, хлесткие, вьедливые.

Тащить телегу по асфальту было слаще травы и сена, но целыми днями ноги не знали асфальта.

Мулы познали холод, дрожь намокшей под мелким осенним дождем кожи. Мулы кашляли, болели воспалением легких. Все чаще оттаскивали в сторону от дороги тех, для которых кончалась дорога, не стало движения.

Равнина расширилась — ее огромность ощущалась теперь не глазами, а всеми четырьмя копытами... Глубже и глубже уходили копыта и размякшую землю, липучие комья упорно тянули за ноги, и все огромней, шире, могучей раздвигалась, ширилась отяжелевшая от дождя равнина.

В большом, просторном мозгу мула, в котором рождались туманные образы запахов, формы, цвета, зарождался образ совсем иного понятия, созданного мыслью философов и математиков, — образ бесконечности: туманной русской равнины и непрерывно лившегося над ней холодного осеннего дождя.

И вот на смену темному, мутному, тяжелому пришел новый образ — белый, сухой, сыпучий, обжигающий ноздри, пекущий губы.

Зима пожрала осень, но это не принесло освобождения от тяжести. Пришла сверхтяжесть. Жестокий и жадный хищник пожрал менее сильного хищника...

Вдоль дороги рядом с телами мулов лежали мертвые люди — мороз их лишил жизни.

Беспрерывный сверхтруд, холод, стертая шлеей до мяса кожа на груди, кровавые болячки на холке, боль в ногах, сбитые, крошащиеся копыта, обмороженные уши, ломота в глазах, рези в животе от мерзлой пищи и ледяной воды постепенно вымотали мускульные и душевные силы Джу.

На него шло огромное равнодушное наступление. Колоссальный мир равнодушно наваливался на него. Даже злоба ездового прекратилась — он съежился, не дрался кнутом, не бил сапогом по чувствительной косточке на передней ноге... Медленно, неминуемо война и зима подминали мула, и Джу ответил на огромное равнодушное наступление, готовящееся уничтожить его, своим безмерным равнодушием.

Он стал тенью от самого себя, и эта живая пепельная тень уже не ощущала ни собственного тепла, ни удовольствия от пищи и покоя. Ему было безразлично, двигаться ли по обледелой дороге, перебирая механическими ногами, или стоять понуря голову. Он жевал сено равнодушно, без радости, и так же равнодушно переносил он голод и жажду, секущий зимний ветер. Глазные яблоки ломило от белизны снега, но сумерки и темнота были ему безразличны, он не хотел и не ждал их.

Он шагал рядом со стариком напарником, теперь уж полностью похожий на него, их безразличие друг к другу было так же огромно, как их безразличие к самим себе.

Это равнодушие к себе было его последним восстанием.

Быть или не быть — стало безразлично для Джу, мул словно бы решил гамлетовский вопрос.

Так как он сделался безразлично-покорен к существованию и к несуществованию, он потерял ощущение времени — день и ночь стерлись в его сознании, морозное солнце и безлунная тьма стали ему одинаковы.

Когда началось русское наступление, морозы не были особенно сильными.

Джу не овладело безумие во время сокрушающей артиллерийской подготовки. Он не рвал постромок, не шарахался, когда в облачном небе запыхало артиллерийское зарево, и земля стала колебаться, и воздух, разодранный воем и ревом стали, заполнился огнем, дымом, комьями снега и глины.

Поток бегства не захватил его, он стоял опустив голову и хвост, а мимо него бежали, падали, вновь вскакивали и бежали, ползли люди, ползли тракторы, неслись тупорылые грузовики.

Напарник странно закричал голосом, похожим на человеческий, упал, заелозил ногами, потом затих, и снег вокруг него стал красным.

Кнут лежал на снегу, и ездовой Николло тоже лежал на снегу. Джу больше не слышал скрипа его сапог, не улавливал запаха табаку, вина, сыромятной кожи.

Мул стоял безразлично-покорный и не ждал свершения судьбы, — новая судьба и старая судьба были ему одинаково безразличны.

Пришли сумерки. Стало тихо. Мул стоял, опустив голову, свесив плетью хвост. Он не глядел по сторонам, не прислушивался. В пустынной равнодушной голове продолжала гудеть давно уж умолкшая артиллерийская стрельба. Редко, редко переступал он с ноги на ногу и вновь делался неподвижен.

Вокруг лежали тела людей и животных, разбитые, опрокинутые грузовики, кое-где лениво струился дымок.

А дальше, без начала, без края, была туманная, сумрачная, снежная равнина.

Равнина поглотила всю прошлую жизнь — и зной, и крутизну красных дорог, и запах кобылок, и шум ручьев. Джу мало уж чем отличался от окружавшей его неподвижности, он сливался с ней, соединялся с туманной равниной.

И когда тишину нарушили танки, Джу услышал их потому, что железный звук, заполняя воздух, входил в мертвые уши людей и животных, вошел и в уши понурого живого мула.

И когда неподвижность равнины нарушилась, и гусеничные пушечные машины развернутым строем, скрежеща шли по снежной целине с севера на юг, Джу увидел их — они отражались в ветровых стеклах и в зеркальцах брошенных машин, они отразились в глазах мула, стоявшего у опрокинутой телеги. Но он не шарахнулся в сторону, хотя гусеничное железо прошло совсем близко, дохнуло горьким теплом и масляным перегаром.

Потом из белой равнины выделились белые людские фигуры, они двигались бесшумно и быстро, не как люди, а как хищные охотники, исчезли, растворились, поглощенные неподвижностью снежной целины.

А потом зашумел кативший с севера поток людей, машин, орудий, заскрипели обозы...

Поток шел по дороге, а мул стоял не кося глазами, и движение шло мимо, но вскоре оно стало так велико, что разлилось за обочины дороги.

И вот к Джу подошел человек с кнутом. Он рассматривал Джу, и мул почувствовал запах табаку и сыромятной кожи, шедший от человека.

Человек, точно так же как это делал Николло, ткнул Джу в зубы, в скулу, в бок.

Он дернул за узду, сипло заговорил, и мул невольно посмотрел на лежащего, на снегу ездового Николло, но тот молчал.

Человек снова потянул узду, мул не пошел, а продолжал стоять.

Человек закричал, замахнулся, и грозное понукание его отличалось от понукания итальянца не грозностью, а звуками, сочетавшимися в угрозе.

А потом человек ударил мула сапогом по косточке на передней ноге, ноге стало больно, по этой косточке бил сапогом Николло, и она была особенно чувствительна.

Джу пошел следом за ездовым. Они подошли к запряженным телегам. Их обступили ездовые, шумели, размахивали руками, смеялись, хлопали Джу по спине и по бокам. Ему дали сена, и он поел. В телеги были впряжены парами лошади с короткими ушами, со злыми глазами. Мулов не стало.

Ездовой подвел Джу к телеге, в которую была впряжена одна лошадь, без напарника.

Лошадь была темная, маленькая, рослый мул оказался выше ее. Она поглядела на него, прижала уши, потом наставила их, потом замотала головой, потом отвернулась, потом приподняла заднюю ногу, собираясь лягнуть.

Она была худая, и, когда вдыхала воздух, ребра волной проходили под ее шкурой, и на шкуре ее, как на шкуре Джу, виднелись кровавые ссадины.

Джу стоял понунив голову, по-прежнему безразличный к тому, быть ему или не быть, беззлобно равнодушный к миру, потому что равнинный мир равнодушно уничтожал его.

Он привычно, так же как делал это сотни раз до того, просунул голову в шлею, она не была кожаной, но совершенно так же, как и кожаная, коснулась его натруженной груди, запах от нее шел странный, непривычный, лошадиный. Но мулу был безразличен этот запах.

Лошадь стояла с ним в паре, и ему было безразлично тепло, дошедшее к нему от ее впалого бока.

Она прижала уши почти вплотную к голове, и морда у нее сделалась злая, хищная, не как у травоядного. Она выкатила глаз, приподняла верхнюю губу и обнажила зубы, готовая укусить, а Джу в своем равнодушии подставлял ей незащищенную скулу и шею. А когда она стала пятиться, натягивая упряжь, чтобы, повернувшись к нему задом, изловчиться и огреть его копытом, он не забеспокоился, а стоял понурившись, так же как стоял возле разбитой телеги, мертвого напарника, мертвого Николло и лежавшего на снегу кнута. Но ездовой закричал и ударил лошадь кнутом, а потом тем же кнутом — братом кнута, лежавшего на снегу, — ударил мула: ездового, видимо, раздражало понурое животное, а рука у него была, как у Николло — тяжелая рука крестьянина.

И Джу вдруг покосил глазом на лошадь, а лошадь посмотрела на Джу.

Вскоре обоз тронулся. И снова привычно поскрипывала телега, и снова перед глазами была дорога, а за спиной тяжесть, и ездовой, и кнут, но Джу знал, что от тяжести не избавиться с помощью дороги. Он трусил рысцей, а снежная равнина не имела начала и конца.

Но странно, в своем привычном движении в мире безразличия он чувствовал, что лошадь, бегущая рядом, не безразлична к нему.

Вот она метнула хвостом в сторону Джу, шелковисто скользкий хвост совсем не походил на кнут либо на хвост напарника — ласково скользнул по шкуре мула.

Прошло немного времени, и лошадь снова метнула хвостом, а ведь в снежной равнине не было ни мух, ни moskitov, ни оводов.

И Джу покосился глазом на бегущую рядом лошадь, и она именно в этот миг покосила глазом в его сторону. Глаз ее сейчас не был злым, а чуть-чуть лукавым.

В сплошняка мирового равнодушия зазмеилась маленькая извилинка — трещина. В движении тело согревалось, и Джу ощущал запах лошадиного пота, а дыхание лошади, пахнущее влагой, сладостью сена, все сильнее и сильнее касалось его. Сам не зная отчего, он натянул постромки, и кости его грудной клетки ощутили тяжесть и давление, а шлея лошади ослабела, и ей стало легче тянуть упряжку.

Так бежали они долгое время, и вдруг лошадь заржала. Она заржала тихонько, так тихо, чтобы ни ездовой, ни лежащая кругом равнина не слышали ее ржания.

Она заржала так тихо, чтобы только бежавший с ней рядом мул услышал ее.

Он не ответил ей, но по тому, как он вдруг раздул ноздри, ясно было, что ржание лошади дошло до него.

И они долго, долго, пока обоз не остановился на привал, бежали рядом, раздували ноздри, и запах мула и запах лошади, тянувших одну телегу, смешались в один запах.

А когда обоз остановился, и ездовой распряг их, и они вместе поели и попили воды из одного ведерка, лошадь подошла к мулу и положила голову на его шею, и ее шевелящиеся мягкие губы коснулись его уха, и он доверчиво посмотрел в печальные глаза колхозной лошаденки, и его дыхание смешалось с ее теплым, добрым дыханием.

В этом добром тепле проснулось то, что заснуло, ожило то, что давно умерло, — любимое сосунком сладкое материнское молоко, и первая в жизни травинка, и жестокий красный камень абиссинских горных дорог, и зной на виноградниках, и лунные ночи в апельсиновых рощах, и страшный сверхтруд, казалось, до конца убивший его своей

равнодушной тяжестью, но все же, оказывается, до конца не убивший его.

Жизнь мула Джу и вологодская лошадиная судьба внятно им обоим передавались теплом дыхания, усталостью глаз, и какая-то чудная прелесть была в этих, стоящих рядом, доверчивых и ласковых существах среди военной равнины под серым зимним небом.

— А осел, мул-то, вроде обрусел, — рассмеялся один ездовой.

— Нет, глянь, они плачут оба, — сказал другой.

И правда, они плакали.

ЗАДАНИЕ 2.

Представьте себя в роли литературоведа, которому поручено написать небольшое эссе (не менее 150-200 слов) о том, как в стихах русских поэтов осмысляются образы и сюжеты тех или иных живописных картин. Придумайте заглавие (можно цитатное).

Для написания такого эссе вам необходимо **сознавать специфику этих видов искусства и одновременно понимать, что сближает живопись и литературу. Аргументируйте свои суждения, опираясь на предложенные стихотворения. Привлекайте их как материал для раскрытия темы.**

На основе анализа предложенных стихов, продемонстрируйте разные аспекты заявленной темы. Как каждый поэт интерпретирует те или иные живописные образы и сюжеты, какой эмоциональный отклик вызывает в его душе произведение искусства?

Обратите внимание на то, какие художественные средства используют поэты для выражения своих мыслей и чувств.

В ходе рассуждений для аргументации можете привлекать и другие известные вам произведения о живописи и живописцах (в том числе и прозаические).

Максимальное количество баллов – 40.

Николай Алексеевич Заболоцкий
(1903–1958)

Портрет

Любите живопись, поэты!

Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.
Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?
Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.
Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.
1953

Александр Кушнер (р. 1936)

В одной из улочек Москвы,
Засыпанной метелью,
Мы наклонялись, как волхвы,
Над детской колыбелью.

И что-то, словно ореол,
Поблескивало тускло,
Покуда ставились на стол
Бутылки и закуска.

Мы озирали полумглу
И наклонялись снова.
Казалось, щурились в углу
Теленок и корова.

Как будто Гуго ван дер Гус*
Нарисовал всё это:
Волхвов, хозяйку с ниткой бус,
В дверях полоску света.

И вообще такой покой
На миг установился:
Не страшен Ирод никакой,
Когда бы он явился.

Весь ужас мира, испокон
Стоящий в отдаленье,
Как бы и впрямь заморожен,
Подался на мгновенье.

Под стать библейской старине
В ту ночь была Волхонка.
Снежок приветствовал в окне
Рождение ребенка.

Оно собрало нас сюда
Проулками, садами,
Сопровождаюсь, как всегда,
Простыми чудесами.
1969

* Гуго ван дер Гус — нидерландский живописец, один из ключевых мастеров раннего Северного Возрождения.

Александр Городницкий
(р. 1933)

Рембрандт

В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
"Возвращение Блудного Сына"
Пишет Рембрандт. Кончается срок.

Сын стоит на коленях, калека,
Измождённых не чувствуя ног,
Голова - как у бритого зека, -
Ты откуда вернулся, сынок?
Затерялись дороги во мраке.
За спиною не видно ни зги.
Что оставил ты сзади - бараки?
Непролазные дебри тайги?

Кто глаза твои сделал пустыми, -
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Всё лицо твоё сжёг дочерна?
Не слышны приглушённые звуки.
На холсте и в округе темно, -
Лишь отца освещённые руки
Да лица световое пятно.

Не вернуться. Живём по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома -
Как сожжение корабля.
Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чайный крик,
И предсмертную пишет картину
Одиноким и скорбным старик
1982

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2025-2026 УЧ. ГОД

11 КЛАСС

Время выполнения работы - 270 минут

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (максимальный балл – 60) и творческое задание (максимальный балл – 40). Внутри общего времени ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Выполните целостный анализ рассказа Бориса Екимова «Говори, мама, говори».

Можно опираться на вопросы, данные ниже, но необязательно отвечать на них в том порядке, в котором они даны. Вы можете обратить внимание и на другие аспекты произведения, не отраженные в вопросах.

1. Как бы вы определили тематику и проблематику рассказа Б. Екимова? В каких еще произведениях русской литературы поднимаются сходные вопросы? В чем своеобразие их художественного осмысления Б.Екимовым?
2. В чем особенности композиции данного произведения?
3. С помощью каких художественных приемов раскрываются характеры героев, их взаимоотношения? Меняются ли они по ходу развития сюжета? Меняется ли содержание их диалогов?
4. Как в рассказе представлен мир деревни, ее прошлое и настоящее?
5. Какую роль в рассказе играют детали? Какие типы деталей вы бы выделили в зависимости от их характера и функций?
6. Как в развитии сюжета выражена логика авторской мысли?
7. Как в заглавии выражена авторская идея?

Максимальное количество баллов – 60.

Борис Екимов
«Говори, мама, говори»

По утрам теперь звонил телефон-мобильник. Черная коробочка оживала: загорался в ней свет, пела веселая музыка и объявлялся голос дочери, словно рядом она:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец! Вопросы и пожелания? Замечательно! Тогда целую. Будь-будь!

Коробочка тухла, смолкала. Старая Катерина дивилась на нее, не могла привыкнуть. Такая вроде малость — спичечный коробок. Никаких проводов. Лежит-лежит — и вдруг заиграет, засветит, и голос дочери:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Не надумала ехать? Гляди... Вопросов нет? Целую. Будь-будь!

А ведь до города, где дочь живет, полторы сотни верст. И не всегда легких, особенно в непогоду.

Но в год нынешний осень выдалась долгая, теплая. Возле хутора, на окрестных курганах, порыжела трава, а тополевое да вербовое займище возле Дона стояло зеленым, и по дворам полетнему зеленели груши да вишни, хотя по времени им давно пора отгореть рдяным да багровым тихим пожаром.

Птичий перелет затянулся. Неспешно уходила на юг казарка, вызванивая где-то в туманистом, ненастном небе негромкое онг-онг... онг-онг...

Да что о птице говорить, если бабка Катерина, иссохшая, горбатенькая от возраста, но еще проворная старушка, никак не могла собраться в отъезд.

— Кидаю умом, не накину... — жаловалась она соседке. — Ехать, не ехать?.. А может, так и будет тепло стоять? Гутарят по радио: навовсе поломалась погода. Ныне ведь пост пошел, а сороки ко двору не прибились. Тепло-растепло. Туды-сюды... Рождество да Крещение. А там пора об рассаде думать. Чего зря и ехать, колготу разводить.

Соседка лишь вздыхала: до весны, до рассады было еще ох как далеко.

Но старая Катерина, скорее себя убеждая, вынимала из пазухи еще один довод — мобильный телефон.

— Мобила! — горделиво повторяла она слова городского внука. — Одно слово — мобила. Нажал кнопку, и враз — Мария. Другую нажал — Коля. Кому хочешь жалься. И чего нам не жить? — вопрошала она. — Зачем уезжать? Хату кидать, хозяйство...

Этот разговор был не первый. С детьми толковала, с соседкой, но чаще сама с собой.

Последние годы она уезжала зимовать к дочери в город. Одно дело — возраст: трудно всякий день печку топить да воду носить из колодца. По грязи да в гололед. Упадешь, расшибешься. И кто поднимет?

Хутор, еще недавно людный, с кончиной колхоза разошелся, разъехался, вымер. Остались лишь старики да пьянь. И хлеб не возят, про остальное не говоря. Тяжело старому человеку зимовать. Вот и уезжала к своим.

Но с хутором, с гнездом насиженным нелегко расставаться. Куда девать малую живность: Тузика, кошку да кур? Распихивать по людям?.. И о хате душа болит. Пьянчуги залезут, последние кастрюльки упрут.

Да и не больно весело на старости лет новые углы обживать. Хоть и родные дети, но стены чужие и вовсе другая жизнь. Гостюй да оглядывайся.

Вот и думала: ехать, не ехать?.. А тут еще телефон привезли на подмогу — «мобилу». Долго объясняли про кнопки: какие нажимать, а какие не трогать. Обычно звонила дочь из города, по утрам.

Запоет веселая музыка, вспыхнет в коробочке свет. Поначалу старой Катерине казалось, что там, словно в малом, но телевизоре, появится лицо дочери. Объявлялся лишь голос, далекий и ненадолго:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец. Вопросы есть? Вот и хорошо. Целую. Будь-будь.

Не успеешь опомниться, а уже свет потух, коробочка смолкла.

В первые дни старая Катерина лишь дивилась такому чуду. Прежде на хуторе был телефон в колхозной конторе. Там все привычно: провода, черная большая трубка, долго можно говорить. Но тот телефон уплыл вместе с колхозом. Теперь появился «мобильный». И то слава богу.

— Мама! Слышишь меня?! Живая-здоровая? Молодец. Целую.

Не успеешь и рта раскрыть, а коробочка уж потухла.

— Это что за страсть такая... — ворчала старая женщина. — Не телефон, свистелка. Прокукарекал: будь-будь... Вот тебе и будь. А тут...

А тут, то есть в жизни хуторской, стариковской, было много всего, о чем рассказать хотелось.

— Мама, слышишь меня?

— Слышу, слышу... Это ты, доча? А голос будто не твой, какой-то хрипавый. Ты не хвораешь? Гляди одевайся теплей. А то вы городские — модные, платок пуховый повяжи. И нехай глядят. Здоровье дороже. А то я ныне сон видала, такой нехороший. К чему бы? Вроде на нашем подворье стоит скотинка. Живая. Прямо у порога. Хвост у нее лошадиный, на голове — рога, а морда козья. Это что за страсть? И к чему бы такое?

— Мама, — донеслось из телефона строгое. — Говори по делу, а не про козынь морды. Мы же тебе объясняли: тариф.

— Прости Христа ради, — опомнилась старая женщина. Ее и впрямь упреждали, когда телефон привезли, что он дорогой и нужно говорить короче, о самом главном.

Но что оно в жизни главное? Особенно у старых людей... И в самом деле ведь привиделась ночью такая страсть: лошадиный хвост и козья страшная морда.

Вот и думай, к чему это? Наверное, не к добру.

Снова миновал день, за ним — другой. Старой женщины жизнь катилась привычно: подняться, прибраться, выпустить на волю кур; покормить да напоить свою малую живность да и самой чего поклевать. А потом пойдет цеплять дело за дело. Не зря говорится: хоть и дом невелик, а сидеть не велит.

Просторное подворье, которым когда-то кормилась немалая семья: огород, картофельник, левада. Сарай, закуты, курятник. Летняя кухня-мазанка, погреб с выходом. Плетневая городьба, забор. Земля, которую нужно копать помаленьку, пока тепло. И дровишки пилить, ширкая ручною пилой на забазье. Уголек нынче стал дорожный, его не купишь.

Помаленьку да полегоньку тянулся день, пасмурный, теплый. Онг-онг... онг-онг... — слышалось порой. Это казарка уходила на юг, стая за стаяй. Улетали, чтобы весной вернуться. А на земле, на хуторе было по-кладбищенски тихо. Уезжая, сюда люди уже не возвращались

ни весной, ни летом. И потому редкие дома и подворья словно расползались по-рачьи, чураясь друг друга.

Прошел еще один день. А утром слегка подморозило. Деревья, кусты и сухие травы стояли в легком куржаке — белом пушистом инее. Старая Катерина, выйдя во двор, глядела вокруг, на эту красоту, радуясь, а надо бы вниз, под ноги глядеть. Шла-шла, запнулась, упала, больно ударившись о корневище.

Неловко начался день, да так и пошел не в лад.

Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

— Здравствуй, моя доча, здравствуй. Одно лишь звание, что — живая. Я ныне так ударились, — пожаловалась она. — Не то нога подыграла, а может, склизь. Где, где... — подосадовала она. — Во дворе. Воротца пошла отворять, с ночи. А тама, возля ворот, там грушина-черномяска. Ты ее любишь. Она сладимая. Я из нее вам компот варю. Иначе бы я ее давно ликвидировала. Возля этой грушины...

— Мама, — раздался в телефоне далекий голос, — конкретней говори, что случилось, а не про сладимую грушину.

— А я тебе о чем и толкую. Тама корень из земли вылез, как змеюка. А я шла не глядела. Да тут еще глупомордая кошка под ноги суется. Этот корень... Летось Володю просила до скольких разов: убери его Христа ради. Он на самом ходу. Черномяска...

— Мама, говори, пожалуйста, конкретней. О себе, а не о черномяске. Не забывай, что это — мобильник, тариф. Что болит? Ничего не сломала?

— Вроде бы не сломала, — все поняла старая женщина. — Прикладаю капустный лист.

На том и закончился с дочерью разговор. Остальное самой себе пришлось досказывать: «Чего болит, не болит... Все у меня болит, каждая косточка. Такая жизнь позади...»

И, отгоняя горькие мысли, старая женщина занялась привычными делами во дворе и в доме. Но старалась больше толочься под крышей, чтобы еще не упасть. А потом возле прялки уселась. Пушистая кудель, шерстяная нить, мерное вращенье колеса старинной самопряхи. И мысли, словно нить, тянутся и тянутся. А за окном — день осенний, словно бы сумерки. И вроде зябко. Надо бы протопить, но дровишек — внатяг. Вдруг и впрямь зимовать придется.

В свою пору включила радио, ожидая слов о погоде. Но после короткого молчания из репродуктора донесся мягкий, ласковый голос молодой женщины:

— Болят ваши косточки?..

Так в пору и к месту были эти душевные слова, что ответилось само собой:

— Болят, моя доча...

— Ноют руки и ноги?.. — словно угадывая и зная судьбу, спрашивал добрый голос.

— Спасу нет... Молодые были, не чуяли. В доярках да в свинарках. А обувка — никакая. А потом в резиновые сапоги влезли, зимой и летом в них. Вот и нудят...

— Болит ваша спина... — мягко ворковал, словно заворачивая, женский голос.

— Заболит, моя доча... Век на горбу таскала чувалы да вахли с соломой. Как не болеть... Такая жизнь...

Жизнь ведь и вправду нелегкой выдалась: война, сиротство, тяжкая колхозная работа.

Ласковый голос из репродуктора вещал и вещал, а потом смолк.

Старая женщина даже всплакнула, ругая себя: «Овечка глупая... Чего ревешь?..» Но плакалось. И от слез вроде бы стало легче.

И тут совсем неожиданно, в обеденный неурочный час, заиграла музыка и засветил, проснувшись, мобильный телефон. Старая женщина испугалась:

— Доча, доча... Чего случилось? Не заболел кто? А я всполохнулась: не к сроку звонишь. Ты на меня, доча, не держи обиду. Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. Но я ведь взаправду чуток не убилась. Тама, возля этой дулилки... — Она опомнилась: — Господи, опять я про эту дулинку, прости, моя доча...

Издавека, через многие километры, донесся голос дочери:

— Говори, мама, говори...

— Вот я и гутарю. Ныне какая-то склизь. А тут еще эта кошка... Да корень этот под ноги лезет, от грушины. Нам, старым, ныне ведь все мешает. Я бы эту грушину навовсе ликвидировала, но ты ее любишь. Запарить ее и сушить, как бывалоча... Опять я не то плету... Прости, моя доча. Ты слышишь меня?..

В далеком городе дочь ее слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почуяла вдруг, как все это зыбко и ненадежно: телефонная связь, видение.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвется и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. — Говори, мама, говори...

ЗАДАНИЕ 2 Представьте себя в роли литературоведа, которому поручено написать для популярного журнала небольшое эссе (не менее 200 слов) о связи литературы и живописи.

Придумайте для него заглавие (можно цитатное), аргументируйте свои мысли, опираясь на предложенные стихотворения. Какие аспекты взаимодействия литературы и живописи отражены в каждом из представленных стихов?

Какие художественные средства и приемы используют поэты для выражения своих мыслей и своих чувств?

Можно привлекать и другие известные вам художественные произведения о живописи и живописцах.

Поделитесь своими впечатлениями о какой-либо картине, которая произвела на вас сильное впечатление. (не забудьте указать фамилию художника) и объясните, почему она вам так понравилась.

Максимальное количество баллов – 40.

Аполлон Николаевич Майков
(1821-1897)

* * *

Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!
Под таким небом невольно художником станешь.

Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии древней Эллады.

Ну, вот, поглядите: по каменной белой ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса;

В середине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадет.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!)
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай нежданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже — его самого с его кистью!
1844

Александр Блок
(1880-1921)

Гамаюн, птица вещая (картина В.Васнецова)

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных.
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!
1899

Булат Окуджава
(1924-1997)

Картина на слоновой кости

*Из Хут а Берулава**

Может, когда Руставели** слагал свои песни,
эту картину задумывал мастер безвестный...
Мысли мои в это древнее-древнее следуют:
белые люди в белой беседке беседуют.

Слышно мне даже, о чем разговор их ведется:
вот человек -- это тайна, но тайна и солнце.
Кто его в небе зажег дерзновенной рукою?
Век человеческий краток... С чего бы такое?

Есть ли на свете грядущее... Кто его знает?
Разве не все осыпается и исчезает?
Разве не все преходяще и бrenно на свете?
Есть ли бессмертье?.. А может быть, нету бессмертья?

Им никуда не укрыться от этих вопросов.
Юноша грустен. Старец оперся на посох.
Белые руки третий воздел над собою:
может быть, небо ответит ему голубое?

Тянется эта беседа, течет -- не кончается.
Белое дерево тихо над ними качается.
Белые листья к белым склоняются веткам,
белые птицы белым оваяны ветром.

...Значит, тот мастер безвестный все-таки вечен,
хоть и лавровым венком никогда не увенчан.
Долго он бился, свое создавая творенье,
вот и живет оно, будто бы стихотворенье.

В белой беседке белые люди беседуют.
Просто беседуют белые люди. Не сетуют.

*Хута Берулава – грузинский поэт XX века (1924-2004)

** Шота Руставели — грузинский поэт XII века, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре»

Андрей Белянин (р. 1967)

Врубель. Царевна-Лебедь

Царевна-Лебедь...
Опускаю руки
И чувствую безумное желанье,
Как пред иконой, преклонить
Колени...
Мои мечты, души бурлящей муки
И сердца сбой, неровное дыханье
Сквозь образы бесовских
Наваждений,
Как облака, облитые закатом,
В волшебной раме
Камышей прибрежных
Как серебро,
Как молоко,
Как снег...
И хлам забот уносится куда-то:
Я вижу крыльев трепетную нежность
И этот взгляд
Из-под смущенных век.
Царевна-Лебедь, не молчи, молю!
Кто втиснул в кисти дивное искусство,
Заставив хаос
Красок бессловесных
Твердить:
– Люблю...
Люблю...
Люблю?!

До святости возвысив это чувство,
Что рухнуло лавиною отвесной,
Заставив обожженный горем разум
Из ничего на холст явить нам
Чудо!
В которое и сам не вправе верить:
То из былин или славянских сказок,
Из тьмы веков,
А может, ниоткуда?
И вдохновенье можно ли измерить?
...Мне кажется, ты дышишь.
И дыханье
Плывет печальной ласкою на плечи
Далекого и близкого сюжета,
Как первое любовное признание,
Что душу так томит
И сердце лечит.
Ты только не молчи...
Но нет ответа.
Царевна-Лебедь!
(1990)